

И взывали они друг ко другу, и говорили:
Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!
Вся земля полна славы Его!

(Книга пророка Исайи 6, 3)

КНИГА ПЕРВАЯ
СЕРАФИМЫ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Перед церковными воротами, праздник всех праздников и торжество всех торжеств

И в тот святой час, после бдения и свершившегося полуночия, со славой возложили плащаницу на честной престол в алтаре.

И когда все множество народа стало исходить из Божьего дома, чтобы трижды обойти его крестным ходом, пронося древки с хоругвями, златотканые Христовы знамена, церковь осталась пустой.

И другое множество взволнованно теснилось по всему монастырскому двору, стараясь протиснуться поближе к пению, которое вместе с крестным ходом все громче продвигалось вдоль самых стен монастыря.

И было так — от пения того постепенно все более жаркими делались огненные искры, которые живут в пурпурном цвете этого храма:

- Воскресение Твое!
- Христе Спасителю!
- Ангелы поют на небесах!
- И нас на земле удостой!
- С чистым сердцем Тебя славить!

А собралось их столько на этот праздник всех праздников и торжество всех торжеств, что многие остались за пределами монастырского двора. И отовсюду, по большой дороге, по проселкам, по крутым горным тропам, из мест, удаленных на несколько дней пути, продолжали идти люди, влекомые заповедью своих сердец. И никто из них: ни достойнейший иерарх, ни предан-

нейший монах, ни убогий человек Божий, ни даже тот, с глазами цвета тамариска — не подумал бы, что со всех сторон стеной стояла ночь. Потому что колокола во всю ширь раздвигали ночную тьму, а мерцание сотен восковых свечей сливалось в чистейший свет, который своей полнотой превосходил ясный день. Нигде не было ни уголка темноты, в котором могла бы спрятаться тень. Металлический отблеск с куполов заставлял мрак подниматься высоко вверх. Перед западным входом каждый, кто обладал даром речи, радостно восклицал:

- Христос воскрес из мертвых!
- Христос воскрес из мертвых!
- Христос воскрес из мертвых!

Тем временем, хотя процессия трижды обошла вокруг церкви, врата открылись не сразу, точно так же, как не сразу поверили ученики Христовы. Ширился повторяемый всеми псалом Давидов:

- Да восстанет Бог!
- И расточатся враги Его!
- И да бегут от лица Его ненавидящие Его!

Стиху пророческому отвечало пение. Пение тем более усердное, что исходило оно от тех, кто все сорок дней поста добрыми делами, воздержанием от греха и чревоугодия готовил свою душу и тело к благолепному празднику и святому причастию.

- Христос воскрес из мертвых!

И чудесным образом к этому хору присоединились крапивники в кронах деревьев. Нараспев выкрикали и они. Со стороны пчелиных ульев слышалось густое жужжание. Стебли трав шептали, что зреют. Стаи мальков гнали рябь по застывшей воде озера, заставляя ее непрерывно струиться. Воистину это было свершением того, о чем говорят таинственные слова канона: «Всякое творенье пусть славит праздник воскресенья!»

— Христос воскрес из мертвых!

А потом самый старший из всех, архиепископ Иаков, облаченный в великолепный саккос, держа в одной руке золоченый крест, а в другой — серебряное кадило с ладаном, крестообразно окадил закрытые ворота. Церковная дверь, массивная, дубовая, окованная железом, по этому знаку распахнулась в притвор. И все, по порядку и иерархи, и все другие, стали заходить в храм. Снова на восток. Как и Христос из самой глубокой части земли достиг самого высокого неба.

— Христос воскрес из мертвых!

Сразу за его преосвященством Иаковым ступали пресвитеры, дьяконы, иподьяконы и чтецы. За ними следовали певчие во главе с протопсалтом. Рядом с монастырским игуменом, преподобным Григорием, шел особо важный гость, королевский духовник Тимофей. Его направил в некогда архиепископский монастырь сам великоименитый Стефан Урош II Милутин, по воле Божьей властелин земли сербской и поморской, с тем, чтобы доставил оттуда частичку пасхального канона св. Иоанна Дамаскина, который поют, конечно, повсюду, и в церквах Скопье тоже, но именно в Спасовом доме звучит он особенно радостно.

— Христос воскрес из мертвых!

Потом шли эконоом и экклесиарх. Грамматик, ризничий и казначей. Старцы с умиленными сердцами. Молодые монахи и послушники. Затем свита архиепископа Иакова, он, преданный своему делу, уже завтра отбывал в Печ по неотложной надобности.

— Христос воскрес из мертвых!

За людьми церковными следовали миряне. Среди них со слугой своим и купец из Скадара, возвращавшийся с севера и воспользовавшийся в пути здешним гостеприимством. И еще один больной, которого под-

12 *Горан Петрович*

держивали другие люди, просил дать ему место. И еще, и еще, столько людей, сколько могла вместить церковь Святого Спаса.

Жича наполнялась запахом ладана, как утренним миром мироносиц, которые, ища мертвого, поклонились Живому.

Жича наполнялась светом, как огнем негасимым.

Жича наполнялась великим, победным пением.
И тихим разговором...

ВТОРОЙ ДЕНЬ

I

О древнем горнорудном деле у византийцев

Всю раннюю весну по небу над Битинией плывут огромные горы облаков. Коварные морозы обращают в лед выманенные обманом звезды. Тем не менее с конца месяца марта прорываются первые искры. Громады тумана неохотно раздвигаются. Напоследок, одна за другой, со стонами и скрипом, прощаются со своим могуществом. Некоторые совсем исчезают. Свет, теперь уже ничем не стесняемый, со все большей силой вырывается из далеких глубин, по всей ширине небесного свода начинают проглядывать созвездия, круг луны переполняется. Лунный свет, пенясь, длинными струями низвергается с высоты.

Внизу, на земле, мощные песчаные насыпи разделяют дороги и поля. Одним склоном они защищают пути от паводков, другим — охраняют от воров россыпи лунного света. На рассвете начинается сбор урожая. Все, к чему прикоснулись первые солнечные лучи, — это серебро. Тот лунный свет, который зреет в полях до полудня, набирает силу и обращается в груды свинца. А тот, что остается до прихода оранжевого заката, становится железной рудой. Следующей ночью все повторяется. Луна снова наполняется светом, сияние переливается через край и беззвучно рассыпается по просторам Восточной империи.

По указу василевса в такие ночи не позволено выходить за городскую стену. Тяжелое наказание неми-

нуемо достигнет и всякого неосмотрительного, у кого лунный свет обнаружат на подошвах, и уж тем более отчаянного, попытавшегося спрятать его в суме или за пазухой.

II

Однажды такой ночью

Однажды такой щедрой ночью, почти за пять лет до яви и дневного света, царица Филиппа во сне покинула свою опочивальню, во сне вскочила в седло и во сне незаметно выбралась за реальные очертания городских укреплений Nikei. Вторая жена кира Феодора Ласкариса, армянка с угольно-черными глазами и темными волосами, часто покидала своего господина во сне. Не делать этого она не могла, желания ее находились слишком далеко, а на всех перепутьях и перекрестках стояла стража. Чем больше наполнялась луна, тем глубже погружался в сон царь, так что и в эту плодоносную ночь Филиппа втайне от всех передвигалась по битинийским полям, отдавшись течению собственных стремлений. Белый конь скакал по колена в лунном свете, сияние которого изливалось непрерывно, одежды императрицы тотчас стали влажными, а тело ее подверглось нападению бесчисленного множества сверкающих искр, которые постоянно жалили ей щеки, руки и обнаженные голени.

Вдруг белый конь, заржав, поднялся на дыбы. Впереди, посреди беспутья, стоял какой-то монах с длинными волосами и бородой. Беспокойные волны лунного света разбивались о его босые ноги, как о скалистый утес. Молодой женщине едва удалось справиться с уздечкой, плащ от ветра соскользнул с ее плеч. Вслед за плащом упало и легкое покрывало, обнажив судорогу страха:

— Кто ты такой?! Что тебе нужно в моем сне?! Прочь с дороги, незнакомец!

Монах, однако, всего лишь отвел взгляд. Острый луч рассек тонкое полотно, в которое была одета всадница, — ее грудь, похожая на только что сорванные яблоки, была прикрыта лишь тончайшей накидкой из прозрачного света.

— Кто ты такой?! Знаешь ли ты, что перечишь воле Филиппы, жены василевса Феодора Ласкариса, властелина Никейского царства! — повторила правительница в паузе между двумя шумными волнами лунного света, и к страху добавились морщины.

— Да, я знаю о тебе, Филиппа, — ответил наконец монах. — Не бойся, я иду по своим делам. Я вне твоего сна. Огромное, неоглядное пространство для всех разветвлений сна едино. Вот мы и встретились в этой области провидения. Ты из Никеи бежишь, а я направляюсь в Никею, несу сыну нужный ему совет.

Царица почувствовала облегчение. Она уже хотела потянуть уздечку, чтобы проехать мимо путника, но монах вытянул вперед обе руки:

— Постой! Неужели ты думаешь, что наши пути скрестила случайность? Послушай меня. Я не собираюсь показываться на глаза твоему мужу. Никакой особой нужды в этом нет. В пяти годах отсюда, в Никее, куда я сейчас иду, жену кир Феодора Ласкариса, его третью жену, будут звать Мария Куртенэ! Ты же останешься в памяти всего лишь как вторая, та самая, бесплодная, из Малой Армении. Поэтому, Филиппа, даже не возвращайся! Этой ночью ты зачнешь и станешь матерью, но тебе не суждено родить в столице Византии!

Царица Филиппа, изумленная, задрожала, подхватила свой плащ, прищпорила коня и галопом устремилась